

A.A. Pass

LITIGATION RELATED TO ECONOMIC OFFENCES DURING GREAT PATRIOTIC WAR

The research is funded by RFBR, project № 19-09-00185

Andrej Pass – Professor, the Department of Political Sciences and International Relations, Chelyabinsk State University, Doctor of Historical Sciences, Chelyabinsk; **e-mail: pass_andrey@mail.ru.**

On the basis of neo-institutional approach the article addresses the relevant problematic issue related to the organization of court hearings in the field of criminal proceedings in respect to economic offences. For the first time in the academic literature one can find description of conditions the proceedings were to be hold during the war period between 1941 and 1945. The article provides details about judges educational background and their work experience along with their material standards and living conditions. In addition it covers procedure with regard to decision-making against public property robbers with an enforcement of sentences being paid attention to. The author concludes that implementation of laws along with the legal novels then being in force depended entirely on higher authorities directives which were often not in line with potential and competencies of local judicial authorities.

Keywords: USSR; Great Patriotic War; economic offences; litigation; interaction of parties to criminal proceedings; imposing and enforcing criminal punishments.

А.А. Пасс

СУДОПРОИЗВОДСТВО ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00185

Андрей Аркадьевич Пасс – профессор кафедры политических наук и международных отношений, Челябинский государственный университет, доктор исторических наук, г. Челябинск; **e-mail: pass_andrey@mail.ru.**

В статье с позиции неинституционального подхода затрагивается актуальная проблема организации судебных слушаний по уголовным делам, относящимся к категории «хозяйственных». Впервые в научной литературе описаны условия, в которых приходилось проводить заседания в период 1941 – 1945 гг. Приведены сведения об образовании и стаже работы судей, их материально-бытовом обустройстве. Воспроизведена процессуальная сторона принятия решений в отношении расхитителей государственной собственности. Уделено внимание исполнению вынесенных приговоров. Автором сделан вывод о том, что реализация действовавших законов и принятых правовых новелл целиком зависела от директив вышестоящих инстанций, которые зачастую не соответствовали возможностям и компетенциям местных судебных органов.

Ключевые слова: СССР; Великая Отечественная война; экономические преступления; судопроизводство; взаимодействие участников уголовного процесса; назначение и исполнение наказаний.

Введение

Судопроизводство трактуется специалистами как урегулированная законом состязательная деятельность уполномоченных органов и субъектов, вовлеченных в уголовный процесс на его судебной стадии. Данное определение, хотя и не охватывает всего разнообразия современных моделей расследования деликтов, вполне соответствует юридическим практикам сталинской эпохи [7, с. 39].

Особенностью исторического периода 1941–1945 гг., в течение которого СССР сокрушил в военном противоборстве гитлеровскую Германию, явилось то, что социально-экономическая ситуация внутри страны характеризовалась ощутимым ростом хозяйственных правонарушений, за которые предусматривалась санкция в виде лишения свободы¹. Под ними следует понимать спекуляцию (ст. 107 действовавшего тогда Уголовного кодекса РСФСР, принятого в 1926 г.); обворовывание и обман государства (ст. 128, п. «в»); злоупотребление служебным положением (ст. 109); присвоение или растрату денег/имущества (ст. 116); хищение из государственных и общественных складов/хранилищ (ст. 162, п.п. «г», «д»); взяточничество (ст.ст. 117–119); служебный подлог (ст. 120), а также деяния, квалифицированные в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 августа 1932 г. «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Наиболее распространенными были спекуляция и хищения. Если обратиться к российским архивам, то вырисовывается следующая картина: за второе полугодие 1941 г. достоверная статистика отсутствует; в 1942 г. по этим основаниям были привлечены к ответственности 152048 человек; в 1943 г. – 296045 человек; в 1944 г. – уже 323277 человек [1, ф. 9415, оп. 5, д. 89, л. 15; д. 92, л. 6].

Заметим, что значительная часть этих людей оказывалась на скамье подсудимых впервые в результате неблагоприятного стечения жизненных обстоятельств. Их можно определить как «случайный тип» правонарушителей, совершавших незначительные кражи. Тем не менее, с позиции советских правоведов, в экстремальной обстановке, когда массы людей на фронте и в тылу находились на грани жизни и смерти, преступления, совершенные в корыстных целях, трактовались как пособничество врагу и должны были пресекаться по всей строгости военного времени [12, с. 29]. В связи с этим в ряде публикаций высказывается мнение об усилении карательного уклона в правоохранительной деятельности [8, с. 369]. Однако существует и другая точка зрения, согласно которой судьи всячески противились чрезмерному, по их представлениям, наказанию задержанных за воровство государственных средств [7]. В данной статье автор, используя материалы центральных и местных архивов, попытался показать реальное содержание работы местных судов по обеспечению сохранности казенных ценностей.

Объекты исследования

В годы Великой Отечественной войны вынесение вердикта в отношении подозреваемых в криминале в тыловых районах было возложено на районные народные суды первой инстанции, которые состояли из судьи, двух народных заседателей, выбираемых гражданами по избирательным округам, секретаря, делопроизводителя и судебного исполнителя. В уголовном процессе могли выступать прокурор и адвокат. Кассационными обращениями занимались коллегии вышестоящих судов на областном, республиканском и общесоюзном уровнях.

Эффективность деятельности судебных участков во многом определялась их материальной базой, профессиональной квалификацией сотрудников и организацией слушаний по делу в соответствии с законодательством, текущими правительственными

¹ Британский исследователь Й. Горлицкий считает, что их число за указанный промежуток времени увеличилось в 1,5 раза [18, р. 25]. Справедливости ради надо отметить, что в такой развитой капиталистической стране, как Англия этот показатель (количество преступлений против собственности без насилия) в 1945 г. по сравнению с 1939 г. вырос на 66% [6, с. 58, 59].

и ведомственными директивами. Предпринятое исследование посвящено выяснению степени соответствия этих критериев масштабу задач в экономической сфере, которые была призвана решать советская юстиция в годы войны.

Методика/Методология

В качестве методологического инструментария применена институциональная теория. Согласно взглядам одного из ее основоположников – Дж. Агасси, индивиды, во-первых, могут иметь свои интересы и преследовать свои цели; во-вторых, рамки человеческого взаимодействия формируются под влиянием формального и неформального наборов правил; и в-третьих, любые институциональные изменения являются результатом обобщения опыта взаимоотношений, приобретенного в специфических ситуациях [15]. Было принято во внимание положение, выдвинутое Дж. Бьюкененом, о том, что обеспечение такого общественного блага, как законопослушание, неизбежно предполагает производство «антиблага» – наказания. Хотя последнее вступает в силу после доказанного факта правонарушения, его настоящее предназначение заключается в предотвращении делинквентного поведения других членов общества [5]. Проблема состоит в правильном выборе строгости наказания, исключении из числа репрессируемых невиновных, уместности принципа одинаковой кары за однотипные преступления, совершенные разными субъектами в конкретных обстоятельствах. В любом случае, наличие эффективных механизмов принуждения – с одной стороны, и осознание необходимости добровольного подчинения разумным и легитимным требованиям государства – с другой, является непременным условием укрепления витальности социума.

Результаты

Катастрофическое начало военных действий сказалось на функционировании судебной системы. С осени 1941 г. ее финансирование почти прекратилось, а штаты союзного и республиканского наркоматов юстиции, в ведении которых она находилась, были существенно сокращены. Сеть народных судов в городах уменьшилась на треть [8, с. 343]. Наиболее ценные работники переводились в военные трибуналы, что отражало тенденцию к превращению военной юриспруденции в главенствующее звено советского правосудия. Многие подразделения центрального аппарата НКЮ СССР и РСФСР отправились в эвакуацию, причем в разные части страны. Это негативно повлияло на качество управления. Решения принципиальных вопросов о проведении той или иной уголовно-правовой политики стал принимать Государственный Комитет Обороны, образованный 30 июня 1941 г.

После введения карточной системы на фоне дефицита продовольствия и предметов первой необходимости рыночные цены на них за несколько месяцев выросли в разы. Возникла питательная среда для активизации дельцов и махинаторов. Действовали они осторожно, сделки проводили не на базарах, а в частных квартирах, где устраивали тайные склады скупленного и наворованного. Покупателей находили через агентов-посредников, на роль которых нередко нанимали детей-подростков. Поймать их с поличным было очень трудно. Основным же посетителем городских «толкучек» являлся обычный народ – рабочие, эвакуированные, инвалиды, женщины и старики, вынужденные реализовывать карточки, нормируемые товары, домашний скарб или то, что удавалось утаить и вынести с предприятия для приобретения нужных продуктов, одежды и обуви. Эти люди не прятались, а потому быстро становились объектами преследования милиции. После составления протокола о правонарушении, опроса свидетелей, изъятия вещественных доказательств задержанный допрашивался и ему предъявлялось обвинение. Затем собранные материалы направлялись в суд. В дальнейшем исход дела во многом зависел от социально-экономического положения в регионе, практикуемых местными властями способов противодействия преступности, профессионализма, убеждений и умонастроений судьи. Вообще говоря, за спекуляцию тогда полагалось лишение свободы на срок не ниже пяти лет с полной или частичной

конфискацией имущества.

Постановление ГКО «Об усилении борьбы с расхищением и разбазариванием² продовольственных и промышленных товаров», вышедшее 22 января 1943 г., ориентировало народные суды на немедленное, в течение 10 дней, рассмотрение всех установленных случаев воровства и злоупотребления служебными полномочиями в корыстных целях на предприятиях промышленности, торговли, сельского хозяйства и транспорта. Из юридических новелл в нем содержалось требование предоставить Всесоюзному Центральному Совету Профессиональных Союзов право контролировать ведомственные магазины, подсобные хозяйства, пункты общественного питания и ходатайствовать перед органами юстиции о возбуждении уголовных дел против любителей поживиться за чужой счет. Кроме того, утверждалась норма, согласно которой любая недостача продуктов питания подлежала взысканию по рыночным ценам, а изделий широкого потребления – в пятикратном размере преysкурантов коммерческой торговли. Также было предложено вопрос о компенсации осужденными материального ущерба разрешать при вынесении приговора независимо от предъявления гражданского иска потерпевшей стороны. Санкция, с учетом тяжести содеянного, предусматривала исправительно-трудовые работы продолжительностью до 1 года с удержанием части заработка или лишение свободы от 2 до 10 лет с поражением в избирательных правах. Если преступление характеризовалось организованностью, умыслом и совершалось неоднократно, то независимо от размеров похищенного оно подпадало под юрисдикцию Закона от 7 августа 1932 г. и могло караться смертной казнью.

Дискуссия/Обсуждение результатов

В связи с началом войны многие судьи были призваны в Красную Армию. Судебные участки объединялись, объем работы увеличивался. Оставшимся служащим Фемиды приходилось совмещать обязанности и трудиться с 8 утра до 10 вечера, включая субботу, а порой и воскресенье. Так, эвакуированная из Ленинграда на Южный Урал судья народного суда Кировского района Челябинска Макарова являлась и секретарем, и курьером, и уборщицей. При этом заработная плата была весьма скромной: у судьи в среднем от 600 до 700 руб., у технического персонала от 150 до 350 руб.

Деньги стремительно обесценивались. По карточкам 3-й категории, которыми обеспечивались «вершители человеческих судеб», ежедневно полагалось всего 400 г хлеба, то есть специалисты с профильным юридическим образованием реально голодали. Только в июле 1944 г. СНК СССР увеличил им продуктовые нормы, предоставив возможность получать литерное питание группы «Б».

Столь же скромными можно назвать жилищные условия. Например, упомянутая Макарова проживала в кабинете, где проходили слушания, как, впрочем, и ее коллега из Тракторозаводского района Месишева, прибывшая по разнарядке НКЮ СССР из Ташкента [2, ф. 1041, оп. 1, д. 71, л. 3; оп. 2, д. 28, л. 35]. Сами суды нередко располагались в непригодных помещениях, временках, бараках с удобствами на улице. Райкомы и райисполкомы не только не оказывали помощи, но время от времени издавали распоряжения о привлечении «стражей закона» на уборку урожая, заготовку дров и т.д.

Не удивительно, что должность судьи по военным меркам не считалась престижной, и на нее находилось мало претендентов. В декабре 1941 г. власти даже разрешили районным советам депутатов трудящихся временно утверждать в этой роли «наиболее

² Термин «разбазаривание» означал умышленное нецелевое использование «социалистической собственности», которое приравнивалось к должностной растрате. Формы подобных злоупотреблений были разнообразными. Например, продукты, выделяемые детским учреждениям, направлялись на снабжение совпартактива. Или товары, приготовленные для сельских тружеников, реализовывались торговыми работниками на рынках с погашением их преysкурантной стоимости. Широкое распространение получила задача начальниками тех или иных материальных благ «по запискам» (прим. А.П.).

подготовленных народных заседателей» [3], контингент которых обычно формировался из заводчан – передовиков производства, сотрудников госучреждений, пенсионеров. Зачастую на вакантное место рекомендовали тех, кто имел за плечами хотя бы семилетку, подходящую биографию и партийный билет. Прослушав ускоренные трехмесячные курсы, такой кандидат становился «полноценным» судьей. Весьма показателен в кадровом отношении состав челябинской областной судебной коллегии по уголовным делам. Из семи ее членов все были коммунистами, но лишь один окончил юрфак. Двое прошли только начальную школу [2, ф. 1041, оп. 1, д. 48, л. 1]. Низкий уровень образования, отсутствие профессиональной подготовки в сочетании с высокими коррупционными рисками предопределяли ошибки и упущения в деятельности судебных работников.

Прежде всего, недостатки касались приговоров, может быть, справедливых с обыденной точки зрения, но необоснованных юридически. Некто Айнашев после объявления всеобщей мобилизации всей семьей ежедневно посещал магазины, приобретая продукты питания и изделия ширпотреба. Создал себе «запас» в виде 226 м мануфактуры, 14 пар галош, 17 пар кожаных ботинок, такого же количества женских платьев, 18 кусков мыла, 25 кг соли, 50 коробок спичек, 4 кг сахара, 100 кг ячменя, 40 кг муки, 32 кг отрубей. По сигналу бдительных соседей в его квартире произвели обыск. Обнаруженные товары изъяли. Айнашев по ст. 107 УК РСФСР получил 6 лет лагерей с конфискацией имущества. Областной суд приговор утвердил [2, ф. 1041, оп. 1, д. 51, л. 3]. Нюанс заключался в том, что собственно факт спекуляции (перепродажи в целях наживы) в ходе судебного разбирательства доказан так и не был.

В конце 1942 г. в Кировском районе Магнитогорска осудили З. Насибуллину к 5 годам лишения свободы с поражением в избирательных правах на 2 года и конфискацией имущества за то, что она получила в распределителе 2,5 кг соли и сразу реализовала ее по 15 руб. за стакан. Правда, здесь все закончилось относительно благополучно: суд второй инстанции дело прекратил, мотивировав свое решение тем, что у женщины двое малолетних детей и проступок совершен впервые [2, ф. 1041, оп. 1, д. 70, л. 136].

Немало тяжелых переживаний испытали отец и дочь – Д. Пашковский и А. Бесчастная. Их также обвинили в создании «чрезмерных запасов» в виде 55 кг муки, 91 кг сухарей, 20 кг пшена, 4,5 кг риса, 6 кг масла, 63 м ткани. Ей дали 8 лет, ему 5. Спасло обоих от наказания наличие в семье двух малышей, отец которых находился на фронте [2, ф. 1041, оп. 5, д. 5, л. 96].

Ключ к пониманию столь сурового подхода дает позиция некоторых руководителей регионального управления юстиции, которую они озвучивали на совещаниях и затем облекали в форму прямых директив. Так, начальник управления НКЮ РСФСР по Челябинской области Лавренков в донесении на имя наркома юстиции СССР Н.М. Рычкова сообщил о проведении им в ноябре 1941 г. специальных мероприятий по изживанию «либерализма» в карательной политике [2, ф. 1041, оп. 5, д. 2, л. 193]. Заместитель начальника УНКЮ по Челябинской области Н.И. Гулевич неоднократно заявлял, что если судье инкриминируют вынесение «мягких» приговоров, то это надо воспринимать как самое тяжкое обвинение, и делился собственным опытом, когда он в бытность народным судьей рассматривал по 300–350 дел в месяц [2, ф. 1041, оп. 1, д. 71, л. 5, 14]. При таком темпе провести скрупулезное разбирательство по существу и учесть детали, мотивы и условия делинквентного поведения, которые могли бы трактоваться как смягчающие обстоятельства, даже теоретически не представлялось возможным.

Усилению уголовной репрессии против спекулянтов способствовало требование обязательного присутствия на процессе прокурора, тогда как участия адвоката не требовалось. И хотя государственные обвинители посещали зал заседаний, в лучшем случае, через раз, защитники, как правило, отсутствовали вовсе. Скажем, в Челябинской области, входившей к началу войны в десятку крупнейших в Советском Союзе (территория 161 тыс. км², 14 городов, 23 поселка городского типа, 64 сельских района, 3

млн жителей), их было, включая стажеров, только 155 человек, причем треть являлись самоучками [4, с. 136]. Средний гонорар за ведение ими одного дела исчислялся суммой 1 тыс. руб. [9, с. 175]. Такие деньги мог заплатить не каждый. Поэтому многим подсудимым приходилось защищать себя самостоятельно.

В итоге в 1942 г. наблюдался почти двукратный рост числа осужденных за спекуляцию. Удельный вес рабочих и служащих среди них равнялся 53,6%, что серьезно усугубило кадровый вопрос на предприятиях. Наркомат юстиции РСФСР вынужден был отреагировать на ситуацию и указать признаки, исключающие применение 107-й статьи. К ним относились: мена или продажа по свободным ценам личного имущества и полученных в установленном порядке нормированных продуктов; реализация продукции подсобных хозяйств; обнаружение у подозреваемых продовольствия или вещей, превышающих надобности семьи, при отсутствии подтверждения их приобретения с целью наживы [14, с. 204].

Де-факто признавалось неоправданным преследование работников, занятых в отраслях оборонной промышленности, жен военнослужащих, матерей с малолетними детьми, подростков, инвалидов Отечественной войны, а также больных и престарелых. И хотя по образному выражению Дж. Хесслер «блошиный рынок по сути захватил городской базар» [20, р. 270], последующие годы демонстрируют снижение числа судопроизводств о спекуляции. Например, в Челябинской области во втором полугодии 1943 г. их было в 4 раза меньше, чем годом ранее, а в столице региона в течение IV кв. 1943 г. и I кв. 1944 г. из 428 завершённых уголовных дел таковых было всего 12. Добавим к этому результаты кассационных обращений, по которым в силе оставалось лишь треть первоначальных приговоров. Остальные пересматривались в сторону снижения меры наказания, перекалифицировались на более мягкую 105-ю статью (нарушение правил торговли, влекущее за собой исправительно-трудовые работы и административный штраф), либо отменялись на стадии предварительного или судебного следствия [2, ф. 1041, оп. 5; д. 5, л. 89, 99; д. 6, л. 43].

Такие перемены объяснялись тем, что главным направлением деятельности судебно-следственных органов высшее руководство страны определило борьбу с хищениями и разбазариванием государственного и колхозно-кооперативного имущества, совершенными с использованием служебного положения. Именно от них народное хозяйство страдало в наибольшей степени. В ходе выполнения постановления ГКО от 22 января 1943 г. к апрелю 1944 г. в СССР были арестованы и осуждены 264 759 казнокрадов, против которых завели 172114 уголовных дел – это 2/3 от их общего количества. В бюджет вернули свыше 360 млн руб. и 13 600 т различных продуктов. Невозмещенный ущерб государству оценивался в 75 млн руб. [1, ф. 9415, оп. 5, д. 89, л. 15, 16]³, но, скорее всего, эта цифра занижена в несколько раз, поскольку не согласуется с аналогичными показателями, почерпнутыми из региональных архивов.

Как показала практика Челябинского областного суда, на воровстве попадались преимущественно директора магазинов и торгов, продавцы, заведующие пекарнями, столовыми, детскими учреждениями, а также бухгалтеры и персонал заводских отделов рабочего снабжения. Составы преступлений были самыми разнообразными: отоваривание похищенных или фальсифицированных карточек; завышение контингентов, находящихся на централизованном снабжении; создание излишков продуктов путем пересортицы и обмана потребителей; подделка счетов и накладных; недостачи, растраты и проч. Отдельным видом правонарушений являлись кражи зерна и горючего на селе в период посевных и уборочных кампаний. Чаще всего, раскрывались мелкие должностные преступления, большинство же крупных махинаторов оставались незамеченными до тех пор, пока они сами не теряли бдительности от ощущения безнаказанности [19, р. 806].

³ К слову, тогда стоимость одного танка Т-34 равнялась 135 тыс. руб. (прим. А.П.).

Специфика непредвзятого судебного рассмотрения подобных деликтов заключалась в необходимости тщательного анализа нормативно-инструктивной базы и текущего документооборота, которыми оформлялось движение товарной массы. Конечно, определенные сведения предоставляли органы внутренних дел и прокуратуры, однако их выводы нуждались в подтверждении. С сожалением приходится констатировать, что народные судьи не обладали ни соответствующими навыками, ни временем для того, чтобы на должном уровне выполнить стоявшие перед ними задачи.

Чаще всего они ограничивались установлением самого факта кражи, не уточняя размер причиненного ущерба и сумму, подлежащую взысканию. Повсеместно нарушались установленные сроки, отведенные для выяснения истины. Вовремя, то есть в течение 10 дней, разбиралось чуть более половины поступивших дел. В спешке не вскрывались причины, толкнувшие подсудимого нарушить закон, не выявлялись лица, способствовавшие этому. При проверках, проводимых вышестоящим начальством, обнаруживались вопиющие отступления от норм уголовно-процессуального кодекса: не указывалась дата слушаний и способ их проведения (с участием или без участия сторон); искажались фамилии в протоколах; нарушались правила избрания народных заседателей; отсутствовали определения судебного заседания; подросткам и лицам с явно выраженными физическими недостатками, мешающими им воспринимать происходящее, не предоставлялся адвокат; признательные показания вымогались угрозами и т.п. [1, ф. 461, оп. 8, д. 437, л. 17–19; д. 414, л. 12].

Небрежность и суэта провоцировали необоснованные вердикты. Так, в Башкирской АССР мелких жуликов сплошь и рядом приговаривали к расстрелу по Закону от 7 августа 1932 г. Даже в Москве, укомплектованной кадрами судебно-следственных работников гораздо лучше, чем провинция, Верховный Суд РСФСР в феврале 1943 г. смертную казнь оставил только одному из 13 осужденных за хищения [1, ф. 461, оп. 8, д. 437, л. 2]. Известны случаи полного оправдания. Например, в конце 1944 г. начальник ОРСа «Южтяжстроя» Мамошкин за разбазаривание 3 т продуктов получил 5 лет лишения свободы. Высшая судебная инстанция республики, куда поступила кассационная жалоба, все обвинения с него сняла, поскольку распределение продовольствия осуществлялось не за счет строительного треста, а по указанию горторготдела, выделившего дополнительные фонды. Выяснилось, что в первую очередь отоваривались рабочие карточки. По запискам же расходовались запасы подсобного хозяйства, и преимущественно на подарки бойцам РККА, о чем имелось распоряжение профсоюзного комитета. Разобраться в этом несложном деле мог и районный суд, но помешала «текучка». О несовершенстве процедуры местного судопроизводства свидетельствуют следующие цифры: в IV кв. 1944 г. почти половина приговоров, вынесенных в Челябинской области в рамках выполнения Постановления ГКО от 22.01.1943 г., были впоследствии либо отменены, либо изменены с переквалификацией преступления и снижением меры наказания [2, ф. 288, оп. 9, д. 201, л. 24, 29].

Вместе с тем, известны примеры, когда суды, стремясь к объективности, подвергались административному нажиму со стороны влиятельных покровителей проштрафившихся начальников. В ноябре 1943 г. органам НКВД стали известны факты о том, что секретарь Уфимского райкома Башкирской АССР Крупеня в помещении сельской школы устроил склад наворованных продуктов, которыми распоряжался по своему усмотрению. Материалы на него передали в суд. Однако упомянутый руководитель, используя связи в верхах, не только сумел быстро добиться прекращения разбирательства, но и сохранил свой пост [11, с. 210]. В этой связи Е. Белова и В. Лазарев заметили, что у партии не было намерения превратить своих членов, пусть даже совершивших подлог или растрату, в отверженных изгоев. Им хотели лишь преподать урок, но отнюдь не уничтожить. В этом выражалось предвзятое отношение к элите, которое обязательно учитывалось в общем судопроизводстве, где иногда (очень редко) оказывались дела высокопоставленных обвиняемых [17, р. 32]. Последние чаще всего

отделялись выговором со стороны Комиссии партийного контроля, который спустя некоторое время аннулировался. Совершенно очевидно, что единый подход к ответственности за нарушения в сфере потребления материальных благ в годы войны отсутствовал, а наказания более зависели от политической конъюнктуры и личных пристрастий или неприязни [10, с. 225, 241, 242].

Обращение к архивным документам помогает увидеть еще одну проблему, которая касалась возмещения государству понесенных убытков, выразившихся внушительными суммами⁴. Строго говоря, выявление и опись имущества обвиняемых на предмет обеспечения будущих требований входили в обязанность следственных органов. Однако они это делали далеко не всегда. Указанные пробелы должны были исправляться на предварительных судебных заседаниях, но и там данному вопросу не уделяли особого внимания. Сказывалась пресловутая нехватка и неподготовленность низовых работников, которые просто не знали, как на законных основаниях, а не со слов соседей, проводить соответствующую процедуру⁵. Возможно, у представителей власти имелся корыстный мотив вести себя подобным образом. А может быть, они жалели жен и малолетних детей подозреваемых, ведь после конфискации последние оставались без средств к существованию. При любом раскладе проще было составить акт о нерозыске должников⁶ или отсутствию у них каких-либо средств. К моменту вынесения обвинительного приговора даже те вещи, на которые полагалось наложить арест, родственники успевали реализовать или сокрыть. С целью воспрепятствовать продолжению подобных эксцессов Верховный Суд РСФСР опубликовал разъяснение о том, что формальное признание ответчика неимущим не освобождает его от компенсации причинного вреда.

В стремлении оживить работу по возвращению в казну похищенных средств, союзное Правительство еще в конце июня 1941 г. предоставило судебным исполнителям право на вознаграждение в размере 5% от взысканных сумм [6, с. 373, 374]. Эта мера оказалась действенной. Например, некто Майков из Верхнеуральского района Челябинской области за добросовестное исполнение своих обязанностей в первом полугодии 1944 г. получил премию в размере 34 тыс. руб. Он смог вернуть государству около 700 тыс. руб. [2, ф. 1041, оп. 5, д. 5, л. 249.]

Однако преодолеть хронический недокомплект судебных исполнителей в годы войны так и не удалось. В Челябинске каждый третий нарсуд функционировал без них [2, ф. 1041, оп. 5, д. 5, л. 15]. Областное управление Наркомата юстиции неоднократно просило мобилизационные отделы райисполкомов и горком партии подобрать нужные кандидатуры, но безрезультатно. В итоге удовлетворялись 15–20% всех исков, что позволяло компенсировать лишь малую часть нанесенного урона. Нельзя не отметить и факты коррупции среди судебных исполнителей. Одни уничтожали описи конфискованной утвари для того, чтобы забрать ее себе. Другие подделывали приходные ордера и присваивали деньги, вырученные от продажи имущества осужденных. В первом полугодии 1945 г. в 37 регионах СССР только официально установленные растраты судебных исполнителей достигли 628, 9 тыс. руб. [6, с. 375].

Заключение

Великая Отечественная война стала трудным испытанием для советской судебной системы. Основные усилия были сосредоточены на поддержании правопорядка в армии. Учреждения юстиции в тылу подверглись существенному сокращению, хотя нагрузка на

⁴ Один из агентов Челябинска Соловьев всего за пару месяцев умудрился растратить 67 376 руб. [2, ф. 1041, оп. 1, д. 70, л. 130].

⁵ На этот аспект первыми обратили внимание Е. Белова и П. Грегори, сославшись на то, что специально обученные люди были нужны в других отраслях плановой экономики [16, р. 471].

⁶ Архивные документы военной поры содержат много примеров того, как нечистые на руку лица, ощутив опасность и пытаясь избежать тюрьмы, прихватывали наворованные средства и отбывали в неизвестном направлении (прим. А.П.).

них многократно возросла. Прежде всего, это выражалось в необходимости сдерживать вал спекулятивных операций, в которые оказались вовлечены многие законопослушные граждане. Применение жесткой репрессии в виде лишения свободы ко всем подозреваемым в наживе, в том числе к рабочим, служащим, представителям уязвимых групп населения не только не способствовало нормализации товарооборота, но и негативно отразилось на производственных и социальных отношениях. Вскоре пришло понимание, что широкое распространение неконвенциональных способов добывания материальных благ спровоцировано резким ухудшением бытовых условий. Поскольку формальные требования закона вошли в противоречие с новой реальностью, их скорректировали. Количество уголовных дел, возбужденных по статье 107 УК РСФСР (спекуляция), и ошибок, связанных с ее правоприменением, значительно снизилось.

В начале 1943 г. ГКО инициировал политико-правовую кампанию по борьбе с расхитителями государственного имущества и самоснабженцами. Однако недостаточная степень компетентности большинства гражданских судей привела к тому, что подсудимым назначались наказания, не соответствовавшие характеру совершенного проступка. За незначительную кражу обыкновенный человек мог сесть в тюрьму и даже поплатиться жизнью, тогда как алчные чиновники сплошь и рядом избегали заслуженной кары. Нарекания вызывал аппарат судебных исполнителей, на который возлагалась функция изъятия незаконно нажитого. Из-за малочисленности и неподготовленности он не справлялся со своими обязанностями.

Подводя итог, можно констатировать, что в годы военного лихолетья Советскому правительству удавалось поддерживать необходимую степень контроля над судебными органами, которые, очевидно, были слабым звеном правоохранительной системы, поскольку утратили значительную часть своего функционала и не могли адекватно реагировать на исходившие сверху управленческие сигналы. Их эффективность в сфере противодействия экономическим преступлениям, несмотря на предпринимаемые шаги, была на низком уровне, что на языке неонинституциональной теории можно обозначить как оппортунистическое поведение, выразившееся в частичном «обесмысливании» правосудия. Во всяком случае, превентивного воздействия на милитаризованное общество оно не оказывало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). г. Москва.
2. Объединенный архив Челябинской области (ОГАЧО). г. Челябинск.
3. *Бакшеев С., Кацнельсон А.* Порядок привлечения народных заседателей для замещения народных судей // Социалистическая законность. 1941. № 12. С. 19.
4. *Батурина И.В.* Челябинская областная коллегия адвокатов в 30-е – 50-е гг. XX в.: история становления и развития: дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2018. 284 с.
5. *Бьюкенен Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном. Нобелевские лауреаты по экономике. Джеймс Бьюкенен. М.: Таурис Альфа, 1997. С. 375–395.
6. *Герцензон А.А.* Преступность в капиталистических странах во время Второй мировой войны // Советское государство и право. 1949. № 10. С. 57–65.
7. *Давлетов А.А.* О значении термина «судопроизводство» в уголовном процессе современной России // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 2. С. 37–43.
8. *Кодинцев А.Я.* Государственная политика в сфере юстиции в СССР в 30-е – 50-е годы XX века. Курган: Изд-во Курганского госуниверситета, 2008. 640 с.
9. *Кодинцев А.Я.* Советская адвокатура в годы Великой Отечественной войны // Адвокат. 2007. № 12. С. 70–80.
10. *Никонорова Т.Н.* Конструируя роскошь: бытовое пространство советской номенклатуры, 1940–1952 годы // The Soviet and Post-Soviet review. 2016. № 43. P. 219–242.

11. *Пасс А.А.* «Другая» экономика: производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939–1945 гг. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного университета, 2002. 235 с.
12. *Пасс А.А.* Экономическая преступность в годы Великой Отечественной войны (по страницам журнала «Социалистическая законность» 1941–1945 гг.) // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2019. Т. 19. № 2. С. 29–34.
13. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине. М.: Росспэн, 2008. 484 с.
14. *Твердюкова Е.Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х – начало 1950-х гг.): историко-правовой анализ. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. 328 с.
15. *Agassi J.* Institutional Individualism // *British Journal of Sociology*. 1975. V. XXVI. № 2. P. 144–155.
16. *Belova E., Gregory P.* Political economy of crime and punishment under Stalin // *Public Choice*. 2009. № 140. P. 463–478.
17. *Belova E., Lazarev V.* Selective Justice: Party Control Under Stalin // *PERSA Working Paper*. 2009. № 58. 42 p.
18. *Gorlizki Y.* Theft Under Stalin: A Property Rights Analysis // *PERSA Working Paper*. 2001. № 10. 31 p.
19. *Heinzen J.* Informers and the State under Late Stalinism Informant Networks and Crimes against «Socialist Property». 1940–1953. // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 4. P. 789–815.
20. *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton, 2003. 366 p.

Список сокращений

- ГКО – Государственный комитет Обороны
- НКЮ – Народный Комиссариат юстиции
- СССР – Союз Советских Социалистических республик
- РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
- СНК – Совет Народных Комиссаров
- АССР – Автономная Советская Социалистическая Республика
- ОРС – отдел рабочего снабжения
- РККА – Рабоче-Крестьянская Красная Армия